

Таким образом, указанный путь формирования феодальной системы зависимости, исходным пунктом которого является экспроприация непосредственного производителя и завершением которого служит его апроприация, ставящая его под власть местного феодала, позволяет сделать вывод, что развитие византийского феодализма, несомненно сходно с развитием феодальных отношений в Центральной и Западной Европе. И здесь, и там типичен начальный этап — утрата аллода, что является экономической предпосылкой подчинения одних лиц другими. Такой путь развития характерен и для средневековой Болгарии; в подтверждение этого можно привести несколько примеров из скудного в общем материала источников. Хорошо известно, что и в болгарском государстве в VIII—IX вв. наблюдается процесс лишения крестьян земли, вызванный причинами социально-экономического и политического характера. Этот процесс приводит к массовому появлению нищих, о которых идет речь в законодательстве хана Крума (803—814). Согласно распоряжению Крума, нищим надлежит оказывать необходимую помощь, чтобы они больше не просили милостыни. Весьма основательно предположение, что в сущности это обязывало расселять обезземеленных лиц на землях славяноболгарской аристократии и предоставлять им наделы. Иными словами мы встречаемся с практикой, напоминающей византийский «арифмос», — с той разницей, что здесь речь идет не о случаях заселения обезземеленных крестьян на господских землях, а об общем распоряжении в форме закона.

Обезземеление болгарского крестьянства наблюдается также в X в., как можно судить по «Беседе» Пресвитера Косьмы и по некоторым пассажам «Шестоднева» Иоанна Экзарха. Особенно массовым было разорение сельского населения в середине и второй половине XIV в., когда начались нашествия турок. Об обезземелении крестьян имеются данные и из истории средневековой Сербии.

Как в Византии, так и в Болгарии и Сербии обезземеленные лица могли испомещаться феодалом на его владениях или по распоряжению центральной власти (пример законодательства Крума), или по желанию будущих париков. Об этих двух возможных вариантах свидетельствует грамота сербского короля Милутина монастырю Георгия Бырзы (издана в 1300 г.). Из нее явствует, что под властью игумена монастыря могли быть как люди, переданные ему по распоряжению центральной власти («кои му законь оупише»), так и пришедшие на его земли по собственному почину («. . . ако самохотю кто оузлюби цркъвь и придет») ⁵. В первом случае отношения зависимости складывались в силу действующего в соответствующий период публичного права, во втором случае эти взаимоотношения устанавливались на частноправовой основе (между феодалом и обезземеленным крестьянином-присельником на его земле).

В поселении обезземеленных лиц во владениях феодала был заинтересован не только крестьянин, но и крупный землевладелец, который обеспечивал себя столь необходимой ему рабочей силой для «господской земли». Отсюда — неуклонное стремление светских и церковных феодалов и в Византии, и в Сербии увеличивать число приходящих в их имения обезземеленных людей, выискивать все новых и новых присельников. Отсюда и особенно сильно проступающая в сербском феодальном праве XIV в. тенденция не допускать переманивания людей одним феодалом с земель другого. Подобная практика, выраженная словами «прием людски», засвидетельствована в законе Душана, и ее применение осуждается и запрещается, как недопустимое нарушение прав феодала на его собственных людей.

Второй путь формирования частновладельческой зависимости в византийском селе — когда непосредственные производители подпадали под

⁵ Ср. *Р. Грујић*. Три хиландарске повеље. — «Зборник за историју јужне Србије и суседних области». Скопље, 1936, стр. 21.